

ДЭН БРАУН

КОД ДА ВИНЧИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111(31)-73
ББК 84 (7Сое)-44
Б87

Dan Brown
THE DA VINCI COD

Перевод с английского Н.В. Рейн

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Sanford J. Greenburger Assoc., Inc. и Andrew Nurnberg.

Браун, Дэн.
Б87 Код да Винчи : [роман] / Дэн Браун; [пер. с англ.
Н.В. Рейн]. — Москва: Издательство АСТ, 2025. —
542, [2] с.

ISBN 978-5-17-086361-7 (С.: Читаем Дэна Брауна!)
*Компьютерный дизайн А.А. Кудрявцева,
студия «FOLD & SPINE»*

ISBN 978-5-17-099407-6 (С.: Эксклюзивная классика)
Серийное оформление А. Фереза, Е. Ферез

Секретный код скрыт в работах Леонардо да Винчи...
Только он поможет найти христианские святыни, дающие
немыслимые власть и могущество...
Ключ к величайшей тайне, над которой человечество би-
лось веками, наконец может быть найден...

УДК 821.111(31)-73
ББК 84 (7Сое)-44

© Dan Brown, 2003
© Перевод. Н.В. Рейн, наследники, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2025

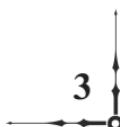
Факты

Приорат¹ Сиона — тайное европейское общество, основанное в 1099 году, реальная организация. В 1975 году в Парижской национальной библиотеке обнаружены рукописные свитки, известные под названием «Секретные досье», где раскрывались имена многих членов Приората Сиона, в их числе сэр Исаак Ньютон, Боттичелли, Виктор Гюго и Леонардо да Винчи.

Личная прелатура Ватикана, известная как «Опус Деи», является католической sectой, исповедующей глубокую набожность. Заслужила печальную известность промыванием мозгов, насилием и опасными ритуалами «умерщвления плоти». Секта «Опус Деи» только что завершила строительство своей штаб-квартиры в Нью-Йорке, на Лексингтон-авеню, 243, которое обошлось в 47 миллионов долларов.

В книге представлены точные описания произведений искусства, архитектуры, документов и тайных ритуалов.

¹ Приорат, или синьория, — орган городского управления ряда средневековых городов-коммун. В масонской традиции Великий приорат — подразделение в системе руководства одной из деноминаций масонства (Храм, Госпиталь). — Примеч. ред.

Пролог

*Париж, Лувр
21.46*

Знаменитый куратор Жак Соньер, пошатываясь, прошел под сводчатой аркой Большой галереи и устремился к первой попавшейся ему на глаза картине, полотну Караваджо. Ухватился обеими руками за позолоченную раму и стал тянуть ее на себя, пока шедевр не сорвался со стены и не рухнул на семидесятилетнего старика Соньера, погребя его под собой.

Как и предполагал Соньер, неподалеку с грохотом опустилась металлическая решетка, преграждающая доступ в этот зал. Паркетный пол содрогнулся. Где-то вдалеке завыла сирена сигнализации.

Несколько секунд куратор лежал неподвижно, хватая ртом воздух и пытаясь сообразить, на каком свете находится. *Я все еще жив.* Потом он выполз из-под полотна и начал судорожно озираться в поисках места, где можно спрятаться.

Голос прозвучал неожиданно близко:

— Не двигаться.

Стоявший на четвереньках куратор так и похолодел, потом медленно обернулся.

Всего в пятнадцати футах от него, за решеткой, высились внушительная и грозная фигура его преследователя. Высокий, широкоплечий, с мертвенно-бледной кожей и редкими белыми волосами. Белки глаз розовые, а зрачки угрожающего темно-красного цвета. Альбинос достал из кармана пистолет, сунул длинный ствол в отверстие между железными прутьями и прицелился в куратора.

— Ты не должен бежать, — произнес он с трудно определимым акцентом. — А теперь говори: где оно?

— Но я ведь уже сказал, — запинаясь, пробормотал куратор, по-прежнему беспомощно стоявший на четвереньках. — Понятия не имею, о чем вы говорите.

— Ложь! — Мужчина был неподвижен и смотрел на него немигающим взором страшных глаз, в которых поблескивали красные искорки. — У тебя и твоих братьев есть кое-что, принадлежащее отнюдь не вам.

Куратор содрогнулся. *Откуда он может знать?*

— И сегодня этот предмет обретет своих настоящих владельцев. Так что скажи, где он, и останешься жив. — Мужчина опустил ствол чуть ниже, теперь он был направлен прямо в голову куратора. — Или это тайна, ради которой ты готов умереть?

Соньер затаил дыхание.

Мужчина, слегка запрокинув голову, прицелился.

Соньер беспомощно поднял руки.

— Подождите, — пробормотал он. — Я расскажу все, что знаю. — И куратор заговорил, тщательно подбирая слова. Этую ложь он репетировал множество раз и всякий раз молился о том, чтобы к ней не пришлось прибегнуть.

Когда он закончил, его преследователь самодовольно улыбнулся:

— Да. Именно это мне говорили и другие.

Другие? — мысленно удивился Соньер.

— Я их тоже разыскал, — сказал альбинос. — Всю троицу. И они подтвердили то, что ты только что сказал.

Быть того не может! Ведь истинная личность куратора и личности трех его *sénéchaux*¹ были столь священны и неприкосновенны, как и древняя тайна, которую они хранили. Но тут Соньер догадался: трое его *sénéchaux*, верные долгу, рассказали перед смертью ту же легенду, что и он. То была часть замысла.

¹ Старые слуги, прислужники (*фр.*). — Здесь и далее примеч. пер.

Мужчина снова прицелился.

— Так что, когда помрешь, я буду единственным на свете человеком, который знает правду.

Правду!.. Куратор мгновенно уловил страшный смысл этого слова, весь ужас ситуации стал ему ясен. *Если я умру, правды уже никто никогда не узнает.* И он, подгоняемый инстинктом самосохранения, попытался найти укрытие.

Грянул выстрел, куратор брезвально осел на пол. Пуля угодила ему в живот. Он пытался ползти... с трудом превозмогая страшную боль. Медленно приподнял голову и уставился сквозь решетку на своего убийцу.

Теперь тот целился ему в голову.

Соньер зажмурился, страх и сожаление терзали его.

Щелчок холостого выстрела эхом разнесся по коридору.

Соньер открыл глаза.

Альбинос с насмешливым недоумением разглядывал свое оружие. Хотел было перезарядить его, затем, видно, передумал, с ухмылкой указал на живот Соньера:

— Я свою работу сделал.

Куратор опустил глаза и увидел на белой льняной рубашке дырочку от пули. Она была обрамлена красным кольцом крови и находиласьическими дюймами ниже грудины. *Желудок!* Жестокий промах: пуля угодила не в сердце, а в живот. Куратор был ветераном войны в Алжире и видел немало мучительных смертей. Еще минут пятнадцать он проживет, а кислоты из желудка, просачиваясь в грудную полость, будут медленно отравлять его.

— Боль, она, знаете ли, на пользу, месье, — сказал альбинос.

И ушел.

Оставшись один, Жак Соньер взглянул на железную решетку. Он был в ловушке, двери не откроют еще минут двадцать. А ко времени, когда кто-нибудь подоспеет на помощь, он будет уже мертв. Но не собственная смерть страшила его в данный момент.

Я должен передать тайну.

Пытаясь подняться на ноги, он видел перед собой лица трех своих убитых братьев. Вспомнил о поколениях других братьев, о миссии, которую они выполняли, бережно передавая тайну потомкам.

Неразрывная цепь знаний.

И вот теперь, несмотря на все меры предосторожности... несмотря на все ухищрения, он, Жак Соньер, остался единственным звеном этой цепи, единственным хранителем тайны.

Весь дрожа, он наконец поднялся.

Я должен найти какой-то способ...

Он был заперт в Большой галерее, и на свете существовал лишь один человек, которому можно было передать факел знаний. Соньер разглядывал стены своей роскошной темницы. Их украшала коллекция знаменитых на весь мир полотен, казалось, они смотрят на него сверху вниз, улыбаясь, как старые друзья.

Поморщившись от боли, он призвал на помощь все свои силы и сноровку. Задача, предстоявшая ему, потребует сосредоточенности и отнимет все отпущеные ему секунды жизни до последней.

Глава 1

Роберт Лэнгдон проснулся не сразу.

Где-то в темноте звонил телефон. Вот только звонок звучал непривычно резко, пронзительно. Пошарив на тумбочке, он включил лампу-ночник. И, щурясь, разглядывал обстановку: обитая бархатом спальня в стиле Ренессанса, мебель времен Людовика XVI, стены с фресками ручной работы, огромная кровать красного дерева под балдахином.

Где я, черт побери?

На спинке кресла висел жаккардовый халат с монограммой: «ОТЕЛЬ «РИТЦ», ПАРИЖ».

Туман в голове начал постепенно рассеиваться.

Лэнгдон поднял трубку:

— Алло?

— Месье Лэнгдон? — раздался мужской голос. — Надеюсь, я вас не разбудил?

Щурясь, Лэнгдон посмотрел на настольные часы. Они показывали 12.32 ночи. Он проспал всего час и был еле живым от усталости.

— Это портье, месье. Извините за беспокойство, но к вам посетитель. Говорит, что у него срочное дело.

Лэнгдон все еще плохо соображал. *Посетитель?* Взгляд упал на измятый листок бумаги на тумбочке. То была небольшая афишка.

АМЕРИКАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПАРИЖА

имеет честь пригласить

на встречу с Робертом Лэнгдоном,

профессором религиозной символики

Гарвардского университета

Лэнгдон тихонько застонал. Вечерняя лекция сопровождалась демонстрацией слайдов: языческий символизм, нашедший отражение в каменной кладке собора в Шартре, — и консервативной профессуре она наверняка пришлась не по вкусу. А может, самые религиозные ученые даже попросят его вон и посадят на первый же рейс до Америки.

— Извините, — ответил Лэнгдон, — но я очень устал и...

— Mais, monsieur¹, — продолжал настаивать портье, понизив голос до интимного шепота. — Ваш гость — весьма влиятельная персона.

Лэнгдон ничуть не сомневался в этом. Книги по религиозной живописи и культовой символике сделали его своего рода знаменитостью в мире искусств, только со знаком минус. А в прошлом году скандальная слава Лэнгдона лишь приумножилась благодаря его участию в довольно двусмысленном инциденте в Ватикане, который широко освещался прессой. И с тех пор его просто одолевали разного рода непризнанные историки и дилетанты от искусства, так и валили толпой.

— Будьте добры, — Лэнгдон изо всех сил старался говорить вежливо, — запишите имя и адрес этого человека. И скажите, что я постараюсь позвонить ему в четверг, перед отъездом из Парижа. О'кей? Спасибо! — И он повесил трубку прежде, чем портье успел что-либо возразить.

Он сел в кровати и, хмурясь, уставился на лежавший на столике ежедневник для гостей отеля, на обложке которого красовалась казавшаяся теперь издевательской надпись: «СПИТЕ КАК МЛАДЕНЕЦ В ГОРОДЕ ОГНЕЙ, СЛАДКАЯ ДРЕМА В ОТЕЛЕ «РИТЦ», ПАРИЖ». Он отвернулся и устало взглянул в высокое зеркало на стене. Мужчина, отразившийся там, был почти незнакомцем. Встрепанный, усталый.

Тебе нужно как следует отдохнуть, Роберт.

¹ Но, месье (*фр.*).

Особенно тяжелым выдался последний год, и это отразилось на внешности. Обычно такие живые синие глаза потускнели и смотрели уныло. Скулы и подбородок с ямочкой затеняла щетина. Волосы на висках серебрились сединой, мало того, седые волоски проблескивали и в густой черной шевелюре. И хотя все коллеги женского пола уверяли, что седина страшно ему идет, подчеркивает ученый вид, сам он был вовсе не в восторге.

Видели бы меня сейчас в «Бостон мэгэзин»!

В прошлом месяце, к изумлению и некоторой растерянности Лэнгдона, журнал «Бостон мэгэзин» включил его в список десяти самых «интригующих» людей города — сомнительная честь, поскольку это стало предметом постоянных насмешек со стороны коллег по Гарварду. И вот сейчас в трех тысячах миль от дома оказанная ему журналом честь обернулась кошмаром, преследовавшим его даже на лекции в Парижском университете.

— Дамы и господа, — объявила ведущая на весь битком набитый зал под названием «Павильон дофина», — наш сегодняшний гость не нуждается в представлении. Он — автор множества книг, в их числе: «Символика тайных сект», «Искусство интеллектуалов: утраченный язык идеограмм». И если я скажу, что именно из-под его пера вышла «Религиозная иконология», то не открою вам большой тайны. Для многих из вас его книги стали учебниками.

Студенты энергично закивали в знак согласия.

— И вот сегодня я хотела представить его вам, очертив столь впечатляющий *curriculum vitae*¹ этого человека. Но... — тут она игриво покосилась на сидевшего за столом президиума Лэнгдона, — один из наших студентов только что предоставил мне еще более, если так можно выразиться, *интригующее* вступление.

И она показала номер бостонского журнала.

Лэнгдона передернуло. *Где, черт побери, она это раздобыла?*

Ведущая начала зачитывать отрывки совершенно идиотской статьи, а Лэнгдон все глубже и глубже вживался в кресло. Тридцать секунд спустя аудитория уже вовсю хихикала, а дамочка никак не унималась.

— «Отказ мистера Лэнгдона рассказать средствам массовой информации о своей необычной роли в прошлогоднем совещании в Ватикане определенно помог ему набрать очки в борьбе за вхождение в первую десятку “интриганов”». — Тут она умолкла и обратилась к аудитории: — Хотите послушать еще?

Ответом были дружные аплодисменты.

Нет, кто-то должен ее остановить, подумал Лэнгдон. А она зачитывала новый отрывок:

— «Хотя профессора Лэнгдона в отличие от некоторых наших молодых претендентов нельзя считать таким уж сногшибательным красавчиком, в свои сорок с хвостиком он в полной мере наделен шармом ученого. И его очарование лишь подчеркивает низкий баритон, который, по мнению студенток, действует “прямо как шоколад на уши”».

Зал так и грохнул от смеха.

Лэнгдон выдавил робкую улыбочку. Он знал, что последует дальше — пассаж на тему «Гаррисон Форд в твиде от Гарриса». И поскольку сегодня он опрометчиво вырядился в твидовый пиджак от Гарриса и водолазку от Бербери, то решил срочно предпринять какие-то меры.

— Благодарю вас, Моник, — сказал Лэнгдон, поднялся и сошел с подиума. — В этом бостонском журнале определенно работают люди, наделенные даром художественного слова. Им бы романы писать. — Он вздохнул и оглядел аудиторию. — И если я только узнаю, кто приволок сюда этот журнал, потребую вышвырнуть мерзавца вон.

Все снова дружно расхохотались.

— Что ж, друзья мои, как всем известно, я пришел сегодня к вам поговорить о власти символов...

Звонок телефона прервал размышления Лэнгдона.

Он обреченно вздохнул и снял трубку:

— Да?

Как и ожидалось, это снова был портье.

— Мистер Лэнгдон, еще раз прошу прощения за беспокойство. Но я звоню сообщить вам, что гость уже на пути к вашей комнате. Вот я и подумал, может, лучше предупредить вас.

Лэнгдон проснулся окончательно.

— Так вы направили его ко мне в номер?

— Прошу прощения, месье, но человек такого ранга... Просто подумал, что не вправе останавливать его.

— Да кто он такой наконец?

Но портье уже повесил трубку.

И почти тотчас же раздался громкий стук в дверь.

Лэнгдон нехотя поднялся с кровати, босые ступни утонули в толстом пушистом ковре. Он накинул халат и направился к двери.

— Кто там?

— Мистер Лэнгдон? Мне необходимо переговорить с вами. — По-английски мужчина говорил с акцентом, голос звучал резко и властно. — Я лейтенант Жером Колле. Из Центрального управления судебной полиции.

Лэнгдон замер. *Центральное управление судебной полиции, или сокращенно ЦУСП?* Он знал, что эта организация во Франции примерно то же, что в США ФБР.

Не снимая цепочки, он приотворил дверь на несколько дюймов. На него смотрело худое лицо с невыразительными, как бы стертymi чертами. Да и сам мужчина в синей форме был невероятно худ.

— Я могу войти? — спросил Колле.

Лэнгдон колебался, ощущая на себе пристальный изучающий взгляд лейтенанта.

— А в чем, собственно, дело?

— Моему капитану требуется ваша помощь. Экспертиза в одном частном деле.

— Прямо сейчас? — удивился Лэнгдон. —

Но ведь уже за полночь перевалило.

— Сегодня вечером вы должны были встретиться с куратором Лувра, я правильно информирован?

У Лэнгдона возникло тревожное предчувствие. Действительно, он и достопочтенный Жак Соньер договаривались встретиться после лекции и поболтать за выпивкой, однако куратор так и не объявился.

— Да. Но откуда вы знаете?

— Нашли вашу фамилию у него в настольном календаре.

— Надеюсь, с ним все в порядке?

Агент вздохнул и сунул в щель снимок, сделанный «Полароидом».

Увидев фотографию, Лэнгдон похолодел.

— Снимок сделан меньше часа назад. В стенах Лувра.

Лэнгдон не сводил глаз с леденящей душу картины, и его отвращение и возмущение выразились в сердитом взглясе:

— Но кто мог сделать такое?!

— Это мы и хотим выяснить. И надеемся, вы поможете нам, учитывая ваши знания в области религиозной символики и намерение встретиться с Соньером.

Лэнгдон не отрывал глаз от снимка, и на смену возмущению пришел страх. Зрелище отвратительное, но дело тут не только в этом. У него возникло тревожное ощущение *déjà vu*¹. Чуть больше года назад Лэнгдон получил снимок трупа и аналогичную просьбу о помощи. А еще через двадцать четыре часа едва не расстался с жизнью, и случилось это в Ватикане. Нет, этот снимок совсем другой, но, однако же, явное сходство в сценарии имело место.

Агент взглянул на часы:

— Мой капитан ждет, сэр.

Но Лэнгдон его не слышал. Глаза по-прежнему были устремлены на снимок.

— Вот этот символ здесь, и потом то, что тело так странно...

— Он отравлен? — предположил агент.

¹ Я где-то это уже видел (*фр.*).

Лэнгдон кивнул, вздрогнул и поднял на него взгляд:
— Просто представить не могу, кто мог сотворить
такое...

Агент помрачнел.

— Вы не поняли, мистер Лэнгдон. То, что вы видите на снимке... — Тут он запнулся. — Короче, месье Соньер это сам с собой сделал.

Глава 2

Примерно в миле от отеля «Ритц» альбинос по имени Сайллас, прихрамывая, прошел в ворота перед роскошным особняком красного кирпича на рю Лабрюйер. Подвязка с шипами, сплетенная из человеческих волос, которую он носил на бедре, больно впивалась в кожу, однако душа его пела от радости. Еще бы, он славно послужил Господу.

Боль, она только на пользу.

Он вошел в особняк, обежал красными глазками вестибюль. А затем начал тихо подниматься по лестнице, стараясь не разбудить своих спящих товарищей. Дверь в его спальню была открыта, замки здесь запрещались. Он вошел и притворил за собой дверь.

Обстановка в комнате была спартанская — голый дощатый пол, простенький сосновый комод, в углу поплотняный матрас, служивший постелью. Здесь Сайллас был всего лишь гостем, однако и дома, в Нью-Йорке, у него была примерно такая же келья.

Господь подарил мне кров и цель в жизни.

По крайней мере сегодня Сайллас чувствовал, что начал оплачивать долги. Поспешно подошел к комоду, выдвинул нижний ящик, нашел там мобильник и набрал номер.

— Да? — прозвучал мужской голос.

— Учитель, я вернулся.

— Говори! — повелительно произнес собеседник.

— Со всеми четырьмя покончено. С тремя *sénéchaux*... и самим Великим мастером.

В трубке повисла пауза, словно собеседник возносил Богу краткую молитву.

— В таком случае, полагаю, ты раздобыл информацию?

— Все четверо сознались. Независимо один от другого.

— И ты им поверил?

— Говорили одно и то же. Вряд ли это совпадение. Собеседник возбужденно выдохнул в трубку:

— Отлично! Я боялся, что здесь возобладает присущая братству тяга к секретности.

— Ну, перспектива смерти — сильная мотивация.

— Итак, мой ученик, скажи наконец то, что я так хотел знать.

Сайлас понимал: информация, полученная им от жертв, произведет впечатление разорвавшейся бомбы.

— Учитель, все четверо подтвердили существование *clef de voûte*... легендарного краеугольного камня.

Он отчетливо слышал, как человек на том конце линии затаил дыхание, почувствовал возбуждение, овладевшее Учителем.

— Краеугольный камень. Именно то, что мы предполагали.

Согласно легенде, братство создало карту *clef de voûte*, или краеугольного камня. Она представляла собой каменную пластину с выгравированными на ней знаками, описывавшими, где хранится величайший секрет братства... Эта информация обладала такой взрывной силой, что защита ее стала смыслом существования самого братства.

— Ну а теперь, когда камень у нас, — сказал Учитель, — остался всего лишь один, последний шаг.

— Мы еще ближе, чем вы думаете. Краеугольный камень здесь, в Париже.

— В Париже? Невероятно! Даже как-то слишком просто.

Сайлас пересказал ему события минувшего вечера. Поведал о том, как каждая из четырех